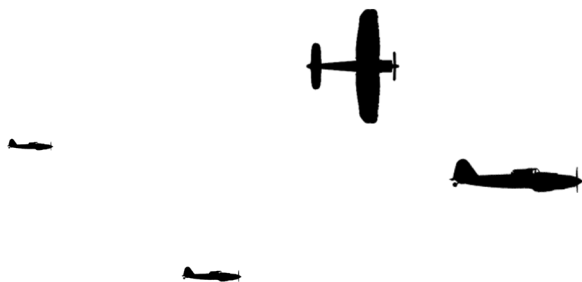

Анна Стюарт

ПИСЬМА
из ПЁРЛ-ХАРБОРА

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44
С88

Anna Stuart
A LETTER FROM PEARL HARBOR
Copyright © Anna Stuart, 2021

Стюарт, Анна.
С88 Письма из Пёрл-Харбора / Анна Стюарт ; [перевод с английского С. А. Горина]. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-218327-0

1941 год, Пёрл-Харбор. 7 декабря Джинни, управляя своим самолетом, замечает японский истребитель. Ей удастся спастись, но выбор, сделанный в хаосе того дня, оборачивается трагедией, изменившей ее жизнь.

2019 год, Пёрл-Харбор. Сестры Робин и Эшли, потрясенные утратой их бабушки, следуют за подсказками квеста, разбросанными по Гавайям. Письма открывают подвиг Джинни и других женщин-пилотов, чья отвага в военное время осталась в тени. Но найденная тайна бабушки переворачивает жизнь и самих девушек...

Вдохновленный реальными событиями, этот роман — о женщинах, чья отвага в небе и глубокие чувства на земле сплетаются в трогательную сагу о любви и стойкости.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

© Горин С.А., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление,
ООО «Издательство «Эксмо», 2025
ISBN 978-5-04-218327-0

*Тете Барби –
первой, кто прочел,
и лучшей из первых.
Спасибо тебе за помощь
и поддержку!*

Пролог

Джинни хохотала, пока ее кружил в танце улыбающийся моряк; ее красные шелковые юбки волной закручивались вокруг ног. Сегодня днем в Пёрл-Харбор вернулись четыре самых больших эсминца, и в Голлулу было не протолкнуться от мужчин в ослепительно-белой форме, желающих потанцевать. За весь вечер Джинни ни разу не присела. Ноги болели, но ей было все равно. Шла первая суббота декабря, в отеле «Роял Гавайен» уже висели рождественские декорации, и, несмотря на изобилие солдат и моряков, почти невозможно было поверить, что где-то за волшебным гавайским горизонтом всюду шла война.

Песня закончилась, и Джинни, поблагодарив кавалера, с облегчением вздохнула, когда ее подруга Лилиноэ взяла ее за руку и увела с танцпола.

— Джинни, мне срочно нужно что-нибудь выпить, — сказала миниатюрная гавайская девушка. — В горле все пересохло.

— И мне бы не помешало, — ответила Джинни. — Пойдем найдем Джека.

Ее старший брат сидел за столиком на Оушен-Лоун в компании друзей, и девушки с радостью направились туда, на свежий ночной воздух. Джинни на мгновение задержалась, чтобы полюбоваться золотыми песками Вайкики и бескрайним простором Тихого океана, что

искрился в лунном свете. Даже в декабре гавайский воздух был мягким и теплым. Пальмы плавно раскачивались под гирляндами ярких фонариков, освещавших террасу, и Джинни, положив руку на сердце, не могла поверить, что она действительно здесь.

— Сестренка, все в порядке?

Она отвела взгляд от океана и снова обратила внимание на шумный бар и своего брата. Он сидел с девушкой по имени Пенни, которая прижалась к нему, а он гладил ее светлые волосы. Казалось, он был по уши влюблен. Джинни не особенно верила, что найдет когда-нибудь свою судьбу и будет жить «долго и счастливо», но у Джека, похоже, все складывалось как надо.

— Все отлично, спасибо. Просто впитываю в себя всю эту красоту.

Джек улыбнулся и подошел к ней ближе, к краю лужайки. Невзначай он обнял сестру. Джинни была высокой, но Джек все равно возвышался над ней, и она легко поместилась под его рукой. Их одинаково каштановые волосы слились, когда он коснулся ее головой.

— Джинни, как же здорово, что мы здесь.

— Да, Джек, очень здорово. Здесь так тихо, так красиво...

В этот момент за соседним столиком раздался взрыв хохота. Джинни нахмурилась.

— Ладно, про «тихо» я, кажется, поторопилась.

Она вернулась к своему столику, забрала май-тай и сделала большой глоток. Из-за местных ананасов, росших на склонах рядом с Гонолулу, напиток показался ей самым ярким и свежим из всего, что она когда-либо пробовала. Дома в Теннесси такого не сыщешь, и Джинни твердо решила насладиться всем, что мог предложить ей остров Оаху в этот празднич-

ный сезон. Она взглянула на куклу Санты, что стояла на пляже: Санта вел деревянные сани прямо к звездам над океаном. Взяв брата под руку, она подняла бокал:

— С Рождеством!

— С Рождеством! — дружно подхватили ее друзья, но тут где-то в отеле часы пробили полночь. Лилиноэ недовольно вздохнула.

— Поздно уже, Джинни. Нам бы домой уже. Завтра в рейс, помнишь?

Разумеется, Джинни помнила. Пять счастливых месяцев она преподавала летное дело на аэродроме имени Джона Роджерса — никогда еще у нее не было столько часов налета. На рассвете она должна была вылететь со своим другом Уиллом — это был его заключительный полет перед получением летного свидетельства. Но до того рассвета, казалось, было еще как до Луны.

— Котик, ну еще два танца, ну пожалуйста! Погода чудесная, а эти утренние вылеты — тьфу, плевое дело! — взмолилась она.

Лилиноэ улыбнулась:

— Ну ладно, если уж два, так два.

Джинни просияла, схватила подругу за руку и снова нырнула в зал, где высшее командование Пёрл-Харбора беззаботно танцевало всю ночь напролет. Она не обернулась к океану. Не увидела, как лунный свет рассыпался серебром по волнам, как эти волны лениво катились к берегу, лаская песок. И, конечно, она не увидела шесть японских авианосцев, занявших боевые позиции за скалистыми островами, в четырехстах милях от берега, и самолеты, что готовились подняться в воздух на рассвете 7 декабря 1941 года.

Глава 1

*Воскресенье,
17 февраля 2019 года*

Робин Харрис провела взглядом по большому старому дому; слезы подступали к горлу, как плющ, цепляющийся за кирпичную стену.

— Ну и идиотизм, честное слово... — пробормотала она себе под нос.

Ей было двадцать четыре года, и это был тот самый дом, где прошло все ее счастливое детство. Здесь жила ее любимая бабушка Джинни, и бояться, казалось бы, было нечего. Но тем не менее Робин все еще стояла в начале подъездной дорожки и дрожала от сырого, пронизывающего до костей февральского ветра. За два года под ласковым гавайским солнцем она успела напрочь отвыкнуть от подобной погоды. Она поежилась и одернула свою явно неподходящую для такого холода джинсовку.

— Давай, двигайся уже, — пробормотала она себе, но мысли о бабушке, бледной и беспомощной, лежащей в постели, не давали ей сдвинуться с места.

Неожиданно входная дверь с лязгом распахнулась, заскребя по плитке крыльца, и Робин снова почувствовала себя школьницей, крадущейся домой после отбоя. У бабушки Джинни был слух как у летучей мыши, а эта

старая скрипучая дверь никогда не давала войти незаметно.

— Ты собираешься весь день там как вкопанная стоять или все-таки зайдешь? — раздался резкий голос.

На крыльце показалась Эшли — ее старшая сестра — в инвалидной коляске и посмотрела на нее с укором. Робин вздохнула.

— И тебе не хворать, сестричка. Я тоже рада тебя видеть, — сказала она и наконец сделала шаг вперед.

Эшли лениво потрепала ее за каштановые волосы.

— С «радостью» ты, конечно, перегнула. Приехала бы пораньше — знала бы, что радоваться тут особо нечему. Бабуля в кровати и ждет тебя.

Робин с трудом сглотнула ком в горле. Она уже и забыла, насколько прямолинейна может быть Эшли.

— Прости, Эш. Билеты было не найти — все куплено.

— Ага. Или выхода из своих пляжных баров и коко-совых коктейлей, да?

— Щас! За два года в Гонолулу я на пляж толком-то и не попала!

— Бедняжечка ты, несчастная... Давай, может, по головке тебя поглажу, а?

Робин прикусила губу и тихонько воззвала к небесам за терпением. Она, безусловно, скучала по сестре — но глядя на ту, что сидела перед ней колкой, упрямой, полной злой иронии, она понимала: скучала она по той Эшли, с которой выросла, а не по женщине, в которую та превратилась. Хотя и винить ее было не за что. Несчастный случай, приковавший ее к креслу-каталке, стер бы с лица улыбку у кого угодно — а уж у горячей, импульсивной Эшли и подавно.

— Черт возьми, Эшли, но я же все-таки приехала, правда? — тихо сказала Робин.

Она наклонилась вперед, раскинув руки. Эшли неохотно двинулась ей навстречу, но потом все же обняла, крепко сжав руками сестру.

— Ну, по крайней мере, раньше родителей, — пробормотала она, уткнувшись ей в плечо. — Что неудивительно.

Робин сильнее сжала ее в объятиях. Родители у них были замечательные — умные, добрые, уважаемые, — но работу они ставили на первое место. Инженеры в гуманитарной организации, они почти все время проводили в командировках, помогая людям в неблагополучных уголках планеты. Робин и Эшли, конечно, гордились ими, но видели редко. Месяц дома — и снова в разъездах. Воспитанием девочек занималась бабушка Джинни — она была их якорем, их домом, их настоящей семьей. И теперь она умирала.

Робин выпрямилась и села рядом на деревянную скамейку у крыльца, чтобы не возвышаться над сестрой.

— Как она? — тихо спросила Робин.

Глаза Эшли увлажнились. Увидев, как на них нависают слезы, Робин почувствовала, как сердце сжалось. Даже после аварии Эшли почти не плакала. Кричала, ругалась, злилась — да. Но плакала — редко.

— Все настолько плохо, да?

— Очень. Она совсем ослабла, Робби. Ее как будто нет. Держалась изо всех сил, пока могла... но теперь кажется, что у нее уже просто не осталось сил.

У Робин снова защипало в носу. Конечно, почти сто лет — возраст почтенный, и удивляться болезни, пожалуй, не стоило. Однако бабушка Джинни всю жизнь

была стойким оловянным солдатиком, поэтому так или иначе ее болезнь шокировала всех.

Она бросила взгляд через открытую дверь на лестницу.

— Пойду-ка я поднимусь и проведу бабулю.

— Иди. Она тебя очень ждет. Надеется, знаешь ли.

Робин замерла. В груди сжалось. Все происходящее вдруг стало реальным, осязаемым до боли.

— Я правда прилетела, как только смогла. На работе был завал, билеты найти не получалось...

— Ты работаешь в аэропорту.

— Ну да. Только это не значит, что я могу махнуть рукой на расписание. Я инженер, Эшли, а не пилот.

— Ну может быть. Но ты же все равно могла бы... — Ее прервал тихий звон колокольчика в доме.

— Бабушка зовет. Слышала, как ты пришла. Так что марш навстречу!

Робин кивнула, вновь взглянув на лестницу. Ноги не слушались. Бабушка Джинни была из тех людей, которых называют «неудержимая сила природы»: жизнерадостной, энергичной, неутомимой любительницей приключений. Настоящей американкой. Женщиной, которую не остановить, даже если весь мир — против. И Робин не хотела видеть ее другой.

— Струсил, да? — язвительно кинула Эшли.

Робин взглянула на нее. И, несмотря на тон, ощутила благодарность за попытку разрядить обстановку.

— Струсил, — просто призналась она.

Эшли протянула руку и, к удивлению сестры, сжала ее колено в знак поддержки.

— Сестренка, я тебя не виню. Это и правда кошмар. Но послушай, ну и зачем тогда лететь через полмира, чтобы сидеть тут на крыльце и слушать мое

ворчание? Так что давай, шевели булками и иди уже к бабуле.

Робин невольно рассмеялась — это была самая «британская» команда, которую она слышала за все время. Она скучала по таким британским выражениям там, в Штатах. Неловко улыбнувшись сестре, она поднялась, прошла в дом и, как в детстве, бросила сумку у порога. Направилась вверх по лестнице, стараясь держаться правой стороны, чтобы не задеть подъемник, и услышала, как тот зажужжал: Эшли решила последовать за ней. И теперь, когда Робин наконец привела себя в движение, ноги сами понесли ее вперед.

Наконец она вошла в просторную, наполненную светом бабушкину спальню.

— Бабуля!

— Робин, прелесть моя! Ну наконец-то ты приехала.

Как и предупреждала Эшли, лицо бабушки Джинни было почти безжизненным. Почти — если не считать ее безупречного вечернего макияжа, который она делала ежедневно, и яркой, элегантной одежды. Она казалась выпцветшей — словно из нее выжали краски. Но в ее голосе звучали чувства, а в глазах горел знакомый живой огонек. Робин рванулась к ней, распахнув руки, и начала осыпать ее поцелуями.

— Ты в порядке, бабуль? Черт... Глупый вопрос. Понятно, что нет, но...

— Вот увидела тебя — и сразу полегчало. Садись, дай погляжу на тебя как следует.

Робин присела на краешек стула у кровати и протянула руку к бабушке, которая тепло ей улыбалась.

— Прелесть моя, ты подросла! Гавайи тебе к лицу, хотя кому они не к лицу. Прекрасное место... Мне там так нравилось. Ну, нравилось, пока...

— Пока японцы не разбомбили Пёрл-Харбор? — Джинни нахмурилась.

— Не только.

— Бабуля? — тревожно спросила Робин. — Что ты имеешь в виду? Что-то еще случилось?

В ответ Джинни сказала только:

— Робби, я все собиралась тебя навестить, да только Гавайи ох как далеко.

— Знаю, бабуль, — кивнула Робин, не отрывая от нее глаз. Что-то было не так — бабушка явно о чем-то недоговаривала.

— Мне надо тебе рассказать кое-что... о моей жизни на Гавайях, — тихо произнесла Джинни. — Точнее, признаться кое в чем.

— Признаться? — Робин обернулась и увидела, как Эшли въезжает в комнату. — Ты в курсе, о чем речь?

— Будь спокойна, — отрезала Джинни. — Эшли я тоже ничего не говорила. А то начнете мериться, кто быстрее разгадает. Вы, обе две, из чего угодно соревнование устройте!

Голос ее звучал по-прежнему звонко, но Робин уловила в нем дрожь. Сердце сжалось.

— Прости, бабуль. Я приехала, чтобы повидаться с тобой, а не спорить с Эшли.

Джинни закатила глаза.

— Да вы всегда такие были: сначала собачитесь друг с другом, потом лежите в обнимку, как котята.

Робин бросила взгляд на сестру, размышляя над словами бабушки. Раньше так и было: они с Эшли проводили немало счастливых часов, наводя суету в комнатах друг друга — разглядывали журналы, смотрели телевизор, сплетничали о знакомых. Конечно, все это сошло на нет после несчастного случая с Эшли, а по-